

БЛОК О ДОСТОЕВСКОМ

(ПО НЕИЗВЕСТНЫМ МАТЕРИАЛАМ)

Статья И. В. Корецкой

1

В связи с проблемой «Блок и Достоевский», которая занимает многих исследователей¹, примечательны данные о восприятии поэтом произведений Достоевского и литературы о нем. Начнем со статьи И. Вернера² «Тип Кириллова у Достоевского», напечатанной в конце 1903 г. в религиозно-философском журнале «Новый путь» (в котором дебютировал и сотрудничал Блок) и вызвавшей пристальный интерес поэта; он оставил на ее страницах более ста помет³. Вернер трактовал вопросы мировоззрения в обычном для «Нового пути» аспекте: отрицание рационализма, позитивизма ради утверждения мистической правды. Ее оплот — религиозный мыслитель Достоевский; другой выразитель современного мистического сознания — атеист Ницше. Новопутейский критик соотносил их миры; так, он усматривал в проповеди Кириллова из «Бесов» черты «ницшеанской» этики до Ницше, предугаданной и осужденной Достоевским.

Проблематика статьи Вернера отвечала установкам «Нового пути»: Достоевского-проповедника вместе с Гоголем и Вл. Соловьевым журнал относил к своей родословной и прокламировал «уяснение религиозной мысли в последовательности этих трех имен»⁴. Вместе с тем, обещая ответить «запросам современного сознания», новопутейцы не могли игнорировать и споры о Ницше, проникавшие в общую прессу. К тому же пристрастия к автору «Заратустры» не были изжиты лидерами журнала и после перехода их к религиозному мировоззрению.

В начале 900-х годов — в связи с 20-летием со дня кончины Достоевского и «поминками» по недавно умершему Ницше — их имена сопоставляли литераторы разных направлений, от Михайловского до Л. Шестова. Точка зрения Вернера возникла под влиянием трех работ идеалистической критики, незадолго до того увидевших свет. Две из них появились в «Мире искусства», журнале, за которым следил Блок. Это был труд Д. Мережковского «Лев Толстой и Достоевский» (1900—1902), читанный Блоком в 1902—1903 гг.⁵, и сочинение Шестова «Достоевский и Ницше. Философия трагедии» (1902). Третья — цикл статей о «Бесах» А. Волынского (1902—1903), вошедший вскоре в его «Книгу великого гнева».

Шестов увидел в Достоевском предтечу Ницше: певец неограниченного своеволия эгоистической личности. Ницше, по мнению Шестова, не дошел бы до такой «смелости и откровенности» в этой своей проповеди, если бы не пример Достоевского, оправдавшего анархо-индивидуалистический бунт «подпольного человека»⁶. Волынский сопоставил создателя Кириллова и автора «Заратустры» как выразителей кризиса европейской религиозной мысли и зачинателей поворота к «критическому идеализму», но подчеркнул различие их устремлений: «совершенно новую идею» человекобога Достоевский «еще до Ницше» «зажег в центре мирового искусства», но «тут же потушил своими религиозными богочеловеческими концепциями»; Ницше же остался проповедником «разрушительно-го и освободительного Антихриста»⁷. Для Мережковского — при всей своейственной ему неоднозначности оценок — Достоевский и Ницше суть эмблемы двух полярных путей грядущего всемирного развития: единящей людей религии богочеловечества и самообожествления личности, угрожающего распадом социальных связей⁸. Но при этом Мережковский отметил, что вера Достоев-

ского претерпевала жгучие искушения богоборчества и атеизма, поэтому одержимый неверием Кириллов в той же мере автобиографичен, что и праведник из романа «Идиот»: «В князе Мышкине Достоевский любит и оправдывает себя, в Кириллове — ненавидит и обличает себя <...> оба ему одинаково близки», — заключал Мережковский⁹. «Если кн. Мышкин — Христос Достоевского, то Кириллов — его антихрист», — вторил Мережковскому Вернер в интересующей нас статье (1903, X, 57). «Мифологема, согласно которой Достоевский и Ницше близки друг другу... по типу мирозерпання»¹⁰, на Вернера повлияла. Однако категоричности Шестова, писавшего о Достоевском и Ницше как о «братьях, близнецах», новопутейский критик не разделял. Он усматривал сходжения автора «Бесов» и пророка «Заратустры» в гносеологии (антирационализм) и в этике (констатация появления «сверхчеловека» — нового антропологического типа самообожествленной личности, отринувшей прежние нравственно-религиозные абсолюты). Но, устремившись «к одним и тем же вопросам», «передумав те же думы», русский и немецкий мыслители пришли, по мнению Вернера, к «диаметрально-противоположным» оценкам: Ницше провидел «сверхчеловека» «с любовью и нетерпением», Достоевский — «с ужасом» (1903, X, 50, 51, 58).

Общая проблематика «антинигилистического» романа Достоевского в статье не затрагивалась; автора интересовал лишь провозвестник «человекобога» Кириллов, один из шедевров психологизма Достоевского и его пластического мастерства. Считая «пророческую» фигуру Кириллова незаслуженно обойденной русской критикой, устремившейся якобы со времен Белинского лишь к вопросу социальным, Вернер старался восполнить этот пробел. Он выявлял генезис кирилловской идеи «внутреннего» бога, соотнося ее с мистическими воззрениями древности и нового времени, сопоставлял нравственную позицию героя Достоевского с требованиями этики Канта, Шопенгауэра, Ницше и акцентировал своеобразие русского «ницшеанца». В духе установок журнала автор всячески подчеркивал кризис богоборства Кириллова, осознавшего необходимость «высших ценностей», дающих «внутренний смысл и разумную связь всем явлениям мира», и лишь перенесшего эту идею «из макрокосма <...> в микрокосм»; заслуга героя Достоевского — прозорливое понимание того, что с верою можно бороться только верой (1903, XI, 62, 60, 58). Свой сопоставительный анализ миропонимания Кириллова и взглядов Ницше Вернер завершил морализующей концовкой: оба пророка «сверхчеловека» восстали против тех нравственно-религиозных идеалов, в лоне которых формировались сами. Но победа обоих над традиционной верой и моралью оказалась мнимой: «Кириллову эта победа стоила жизни, творцу „Заратустры“ — сознания» (XII, 182).

Таково содержание статьи Вернера. Ординарная, не поднимавшаяся над уровнем популяризаторских работ, которые печатали в «Новом пути» сотрудники второго ряда, она не случайно привлекла внимание Блока. Для становящегося мировидения двадцатитрехлетнего поэта были весьма существенны оба аспекта статьи — проблема богоборчества и богопокорства, с одной стороны, социального альтруизма и индивидуализма — с другой. Программный антирационализм новоцутейского критика также импонировал Блоку, уверенному тогда в торжестве мистико-романтического взгляда на мир. «Осыпались пустые цветы позитивизма, и старое древо вечно ропщущей мысли зацвело и зазеленело метафизикой и мистикой» — так виделся поэту на рубеже 1901—1902 гг. итог «великой философской борьбы», начатой Вл. Соловьевым (VII, 23). Читая журнал Мережковских, Блок постоянно отмечал выпады против рационализма, позитивизма, а порой и усугублял их своими репликами. «Когда же мы, наконец, освободимся от страха перед метафизикой и религией и перестанем считать точное знание враждебным им и с ними непримиримым?» — этот вопрос С. Булгакова в одной из статей «Нового пути» (1903, III, 97) Блок сопроводил целым частоклоком отчеркиваний. Знаком «X» (косой крест), существенным в системе его помет, Блок выделил определение мистицизма: «отрицание необходимости логического основания для утверждения известных теоретических или практических начал» (1903, X, 53). И далее подчеркнул слова о том, что идти в познании

мистическим путем, значит, судить «не прибегая к содействию логики и опираясь единственно на непогрешимое (субъективное) внутреннее чувство» (Там же *). Как близкое себе отметил Блок суждение о неприятии рационализма Достоевским и о поисках писателем мистических основ в западноевропейской мысли. Достоевский понимал, писал Вернер, что западную культуру «нельзя сводить <...> к одним рациональным началам», что ей присуща «та же вера, внутреннее убеждение, независимое от... доводов рассудка». Выделив эти слова (XII, 168), поэт приписал: «Э то я з н а л н а д н я х . А л . Б л о к».

Противник мистического сознания, антипод Достоевского и Ницше, предтеча позитивизма, полонившего современную мысль — так трактовался в новопутейской статье Кант. Эту критику «справа» молодой Блок разделял. На полях статьи сохранились сердитые реплики поэта по адресу отца критической философии; на них стоит остановиться: антикантианство Блока — характерная черта его тогдашнего мировоззрения, формировавшегося «под знаком» Достоевского¹¹. «П р и н ц и п К а н т а — б е з о б р а з е н <как> в с я к и й г о л ы й р а ц и о н а л и з м» **, — написал Блок против той части текста, где упоминался неприемлемый для Кириллова «знаменитый кантовский „категорический императив“» и приводилась (как несовместимая с кирилловской «дарящей» любовью к людям) формула Канта: «Поступай с другими так, как ты хочешь, чтобы они поступали с тобой». Поэт прибавил насмешливо: «К а н т у о д н о о п р а в д а н и е — т о , ч т о е г о с к р ю ч и л о» (X, 69)¹². К замечанию Вернера об абстрактности мысли Кириллова и неясности ее выражения Блок приписал: «Т а к к а к т е о р и я (а б с т р а к т н а я) в с е г д а н е я с н а (д е к а д е н т с т в о К а н т а)» (X, 75. Об утрате декадентами чувства полноты жизни Блок не раз говорил и позже¹³). Повторяя упреки сторонников мистического мировоззрения автору «Критики чистого разума», Вернер писал, что «Кант отнял у философии ее истинное и законное содержание — *изучение мира сущностей, „вещей в себе“*», это суждение Блок отметил (XII, 134). Того же рода несогласия с кантианской теорией познания видны и в блоковских пометах на других материалах философской рубрики «Нового пути». «К а н т» — написал Блок против той части статьи П. Флоренского «О суеверии», в которой приводился (в целях опровержения) следующий постулат: «Человеческий ум ограничен миром явлений. Чувственное восприятие служит единственным источником нашего знания» (1903, VIII, 97). В статье А. Смирнова «Философия религии Гёффдинга», дважды отчеркнув суждение о мистическом познании как «высшем», Блок выделил слова о том, что нужно «*сомнение в окончательной неизблемости гносеологических принципов Канта*», для последователей которого «*невозможность религиозного познания есть своего рода догмат*» (1903, XI, 210).

Антикантианские реплики Блока на полях «Нового пути» согласуются с шаржем на философа в стихотворении «Сижу за ширмой...» (1903, позже озаглавлено «Испуганный. Иммануил Кант») и с упоминаниями в письмах поэта 1903 г. о спрятавшемся от жизни механическом «Кантике», «Кантице» и о «гнетущей нас Кантовской теории познания»¹⁴. Синонимом иссушающего рационализма, гибельного для свободной духовности и поэтической веры, имя Канта осталось у Блока надолго. В лирическом очерке 1907 г. «Девушка розовой калитки и муравьиный царь» с его «достоевской» контрверзой животворных сил русской народной стихии и мертвенной оцепенелости западного мира, чья былая поэзия обернулась прозой, возникает видение Канта. «Сморщенный», подслеповатый мудрец, остановившийся перед «вещью в себе», ноуменом, на котором написано: «Непознаваем. Неприкосновенен. Проходите», Кант подавил влечение к возвышенному, запредельному; после этого оказалось уже совсем недалеко до «грандиозного кабака современной европейской культуры», приземленной и плоской (V, 89). Даже преодолев впоследствии свой односторонний взгляд на систему Канта и соотнося с его учением о времени и пространстве свою

* Курсивом здесь и далее даны части текста, подчеркнутые Блоком. Разрядкой выделены надписи Блока на полях журнала.

** Текст в угловых скобках восстановлен по смыслу (был срезан переплетчиком).

концепцию времени в статье 1919 г. «Крушение гуманизма», Блок продолжал считать, что Кант ставил «предел» человеческому духу, «сооружая свою страшную теорию познания» (VII, 357; VI, 101)¹⁵. А пока что, в 1903 г., молодой поэт иронизирует в стихах и письмах по адресу автора «Критики чистого разума», рисует карикатуру на него¹⁶, отмечает в тексте «Нового пути» упреки Ницше Канту (подчеркивания на с. 129—130, 136, 153 кн. XII журнала), и сам ополчается против кантианской этики и гносеологии. Примечательно, что стихотворение «Сижу за ширмой...» было написано 18 октября 1903 г., т. е. именно тогда, когда Блок читал начало статьи Вернера в октябрьской книжке «Нового пути» и негодовал в своих маргиналиях по поводу «голового рационализма» Канта.

2

Осень 1903 г. — время напряженных духовно-нравственных исканий автора «Стихов о Прекрасной Даме» и «Распутий», его встреч со многими философскими, религиозными, этическими концепциями. Одним из наиболее сильных было притяжение к миру Достоевского. Множество биографических документов 1901—1903 гг. — дневник и записные книжки, письма к З. Гиппиус, А. Гиппиусу, А. Белому, отцу, Л. Менделеевой говорят о значительности для внутреннего опыта Блока проблематики Достоевского, у которого, как и у Вл. Словьева, молодой поэт надеялся, по его признанию, отыскать «точки устоя»¹⁷.

Подобные надежды, высказанные в письме к невесте 31 мая 1903 г., могли возникнуть в итоге раннего увлеченного чтения Достоевского, когда «душа <...> плотно и страстно лежала на его страницах, как об этом позже скажет поэт (VIII, 133). Эту фазу «интенсивного» восприятия Блоком Достоевского исследователь датирует на основании записных книжек и писем поэта 1901—1902 гг.¹⁸ По-видимому, именно тогда Блоком были сделаны многочисленные пометы на полях «Преступления и наказания» (изд. 4. СПб., тип. бр. Пантелеевых, 1877), «Идиота» (изд. 3. СПб., тип. бр. Пантелеевых, 1882), «Бесов» (СПб., тип. К. Замысловского, 1873), «Братьев Карамазовых» (т. 1—2. СПб., тип. бр. Пантелеевых, 1881) в изданиях, принадлежавших матери поэта и сохранившихся в его библиотеке (ИРЛИ)*.

Содержание отчеркнутого и выделенного, будучи соотнесено с биографическими материалами и с данными блоковского восприятия статьи Вернера о «Бесах», также позволяет датировать пометы Блока на текстах романов Достоевского первыми годами века. Именно в эту пору молодой поэт, если приложить к нему подчеркнутые им в тексте «Братьев Карамазовых» слова Достоевского, — один из «русских мальчиков», стремящихся разрешить «прежде всего» «предвечные вопросы», живущих думою о высших целях бытия, о человеке и

* Перечни помет приведены в кн.: «Библиотека А. А. Блока. Описание», кн. 1. Составили О. В. Миллер, Н. А. Колобова, С. Я. Вовина. Под ред. К. П. Лукирской. Л., БАН, 1984. Автор благодарит участников этого труда за предоставленную возможность познакомиться с маргиналиями Блока, а также с частью кн. 1 «Описания» до печати.

Сделанная составителями «Описания» оговорка о том, что на страницах «Братьев Карамазовых» «принадлежность помет А. Блоку сомнительна» (с. 270), дана без объяснений; к тому же все пометы приведены (хотя они не приводятся в других подобных случаях — на с. 11, 15). Следует, однако, заметить, что преобладающее количество помет на полях «Братьев Карамазовых» графически ничем не отличается от помет, признанных в «Описании» блоковскими. Данные пометы на страницах «Братьев Карамазовых» аналогичны по своему начертанию, в частности, и тем, которые имеются на полях комплекта журнала «Новый путь», принадлежавшего Блоку и сохранившего надписи, сделанные его рукой, и автографическую подпись («Описание», кн. 2, в печати). Тем самым речь может идти не о сомнительности всех помет на полях «Братьев Карамазовых», а об ином: на полях этого романа большинство маргиналий принадлежит Блоку, отдельные пометы сделаны рукой другого лица. Такое сосуществование на страницах одной книги следов чтения ее Блоком и другими лицами имело место не раз, что зафиксировано в «Описании» (см. с. 6 — на книге Р. Вагнера «Опера и драма»; с. 15 — на книге А. Ахматовой «Четки»). В данной статье мы отсылаем лишь к тем имеющимся на страницах «Братьев Карамазовых» пометам, которые идентичны по своему начертанию пометам Блока на других книгах его библиотеки и не вызывают сомнения в принадлежности их Блоку¹⁹.

человечестве и, конечно, о вере и атеизме. Наступит бурная полоса русской жизни, и летом 1905 г. Блок признается своему confidentу Е. П. Иванову: «Я дальше, чем когда-нибудь, от *религии*», «никогда не приму Христа» (VIII, 133, 134). Но даже в то время, когда поэт, по его словам, «мучался» мыслью о вере, он подчеркивал, что это бывает *иногда* и иначе, чем у Е. Иванова или Белого (VIII, 108)²⁰.

Читая «Идиота», Блок отметил восторженную тираду Мышкина о Христе как цели космического процесса (с. 406). Свой мистический идеал поэт, однако, не замыкал в рамки конфессионально-православного, а порой и прямо противопоставлял ему. «Еще (или уже, или никогда) *не чувствую* Христа. *Чувствую* Е.е. Христа иногда только *понимаю*», — писал Блок Белому в августе 1903 г.²¹ А до того в упоминавшемся выше наброске статьи конца 1901 — начала 1902 г. поэт заявлял себя приверженцем «туманного и мистического, далеко не строго богословского духа» (VII, 28). Верность Блока «мифопоэтическому началу», в значительной мере окрашенному влиянием Вл. Соловьева²², а не традиционным религиозным воззрением, огорчала Белого, пытавшегося примирить одно с другим. «Милый, дорогой Александр Александрович, не бросайте же церкви, ни Соловьевских „*костылей*“», — увещевал Блока Белый в одном из писем 1903 г.²³

В свете сказанного выявляется смысл помет Блока на тексте поучений Зосимы в «Карамазовых». Певца «Непостижной» мог привлечь в заповедях старца их «обще-мистический» смысл, — утверждавшееся Зосимой «сокровенное ощущение живой связи нашей с миром горним и высшим», славословия «живой любви» как основы бытия и понимание ада как невозможности любить; признание необходимости высшего нравственного образца, без которого «погибли бы мы и заблудились совсем, как род человеческий перед потопом» (подчеркивания, отчеркивания и знак «X» на полях т. 1, с. 502—506)²⁴. Двукратно выделил Блок слова Зосимы о верности Земле («Люби повергаться на землю и лобызать ее <...> Омочи землю слезами радости» до слов: «...не многим дается, а избранным» — т. 1, с. 505); поэт отзывался на присущее Достоевскому глубинное мистическое ощущение Земли как животворной, женственной основы бытия. Возникшее в глубинах мифа, воспетое Шиллером, Достоевским, Вл. Соловьевым («Земля-владычица!..»), это «чувство органического союза человека с Матерью-Землей» утвердилось в романтическом мировосприятии Блока²⁵. «Прекрасный и свободный ужас Вечной Матери-Земли» поэт противопоставит и *«кажущемуся»* прогрессу (V, 585) и его следствию, буржуазному практицизму: людям «промышленного века», отложившим «мечты», «чтобы получше устроиться в „повседневности“», противостоит поэт, «поющий о древней свободе, о живой и черной Матери-Земле, о Любви и Смерти» (Там же, 616).

Подходя к Достоевскому со своим свободным пониманием мистического, Блок противился богословскому истолкованию творчества писателя, которое было предпринято тогда Мережковским. Блок писал Белому летом 1903 г. о том, что «перечитал „Войну и мир“, прочел юношеские творения Достоевского и „этим отрезал себя от II тома“ труда Мережковского „Л. Толстой и Достоевский“»²⁶ (где проповедь обновления православия заслонила литературные задачи).

Религиозные сомнения, нараставшие у молодого Блока, не могли не усилить его внимание к проблемам веры и неверия у Достоевского. Суждение критика «Нового пути» о значительности борьбы начал религии и атеизма для внутреннего мира Достоевского поэт сопроводил иронической (и самоироничной) припиской: **Р е ш и т ь б о р ь б у — у м е р е т ь . Н о о н н е у м е р . И м ы** (1903, XII, 169); будущий автор «Балаганчика» уже тогда был склонен охлаждать мистический пыл дозой скептицизма (который считал второй стороной своего мировосприятия)²⁷. Соответственно, читая романы Достоевского и статью о нем, Блок проявлял пристальный интерес к коллизии богопокорства и богоборчества. Критик «Нового пути» видел в ней удел «глубоких душ», писал о «необходимости борьбы с богом» для сильных натур; поэт выделил эти суждения (1903, X, 76; XI, 63). Блок-читатель то внимает «осанне» Достоевского, то

вглядывается в «горнило сомнений» писателя: пометы касаются и воплощения Достоевским разных форм религиозности, и изображения атеистов, неверия. Внимание поэта останавливает умиленный рассказ Мышкина о немудрящей и цельной вере некоей бабы («Идиот», ч. II, с. 220) и простодушный довод в пользу бытия божия у старого армейца («Если бога нет, то какой же я после того капитан?» — «Бесы», ч. II, с. 27). А в книге «Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского» (СПб., 1883; см. прим. 19) Блок отчеркнул подробное изложение Достоевским заветного для него замысла романа «Атеизм», герой которого, отпав от религии, после долгих духовных скитаний обретает «и Христа, и русскую землю...» (с. 202, 2-я пагинация). Заинтересовала Блока концепция веры у Шатова в «Бесах», согласно которой «бог есть синтетическая личность всего народа», «чем сильнее народ, тем особливее его бог», а «искание бога» есть «цель всего движения народного» (отчеркнуто на с. 61 ч. I «Бесов»). Ср. отмеченное Блоком определение этой идеи Шатова в работе А. Белого «Трагедия творчества: Достоевский и Толстой» (М., 1911, прим. 19: *«только подчеркивая и углубляя национальные черты, мы земно подходим к небесному»* — с. 26; выделено Блоком).

Вместе с тем в блоковском экземпляре «Братьев Карамазовых» оказались сдвоены отчеркнутыми первые страницы главы «Бунт» с их возмущением героя-атеиста против христианской заповеди любви к ближнему (т. 1, с. 372, 373); отмечены также саркастические замечания Черта о недоказуемости существования бога (т. 2, с. 481). Тщательно выявлено блоковскими пометами своеобразное опровержение христианского идеала богочеловека, предпринятое в «Бесах» Кирилловым.

Критика героем «Бесов» христианского аскетизма (эту тему автор статьи в «Новом пути» всемерно подчеркивал в свете доктрины Мережковских, стоявших за обновление православия полжизненным земным началом) была особенно близка Блоку, чей идеал человека одухотворяла мечта о свободном гармоническом бытии. «...Сама идея „того света“ давит человека нестерпимым бременем, парализует все его силы в жизненной борьбе, лишая его <...> сознания бодрости, независимости и самоуважения», — отметил Блок на полях статьи пояснения мотивов богоборчества Кириллова. (Ср. подчеркнутое Блоком в тексте доклада В. А. Тернавцева на первом заседании Религиозно-философского общества: *«Интеллигенцию как таковую верою потустороннего будущего, проповедь одного только загробного идеала не возьмешь»*²⁸.) Моноидея Кириллова — ниспровержение «старого бога» — это «бесконечно мучительная борьба духа и плоти» (X, 79; рукой Блока «NB»). Именно поэтому Кириллов — «настоящий „богоборец“», «как назвал когда-то бог Иакова», и «первый настоящий атеист», как называет себя сам герой (X, 79, 78). Вместе с тем Блок выделил и характерное для новопутейцев истолкование драмы Кириллова: *«„Убивая в себе бога“, он (Кириллов. — И. К.) <...> совершает духовное самоубийство, за которым неизбежно уже должно последовать и физическое»* (XI, 57).

Весьма важно то, что свое «бегство от Христа» Блок связывал с текущими событиями: *«Время такое»*, — подчеркивал поэт в письме к Е. Иванову 28 июня 1904 г. (VIII, 108). Действительно, русское богоборчество начала века, один из симптомов раскрепощения сознания, стало в канун первой революции знаменем времени; сама активизация религиозно-философских исканий части интеллигенции, в сфере которых оказался молодой Блок, была ответом на растущий кризис веры в демократической среде. Горький напечатал в 1-м сборнике «Знания» (1904) «Жизнь Василия Фивейского» Л. Андреева, и Блок (как он вспоминал впоследствии) испытал «потрясение», ощутив в повести о священнике-богоборце близкое собственному предчувствие крушения старого мира (VI, 130—131). Вместе с тем Блок — это видно, в частности, из его помет на страницах «Нового пути» и на тексте «Бесов» — занимало тогда и богоборчество иного типа, отвергавшее надличные абсолюты устами «своевольного» индивидуума, будь то антихристианство Ницше или вызов небу, брошенный русским адептом «человекобога».

Этический пафос религии Достоевского, трактуемой им как «понятие о зле и добре» (эти слова Шатова Блок выделил на с. 61 ч. II «Бесов»), был близок поэту с его рано возникшими нравственными исканиями. В стихотворном послании «Моей матери» (март 1901) молодой Блок декларировал заветную идею своей этики, весьма близкую моральному средо автора «Преступления и наказания» и «Братьев Карамазовых»:

Чем больней душе мятежной,
Тем ясней мира.

Это соотносится с блоковским истолкованием в дневнике 1902 г. доминанты Достоевского: «Полное освобождение от земной доли происходит лишь путем полного *πάθος* * в земной оболочке (тема Достоевского, проникающая все его мировоззрение)» (VII, 51). В сферу социального гуманизма певца «униженных и оскорбленных» Блок тогда, в 1902 г., еще не вошел; для него пока, если употребить позднюю формулу Вяч. Иванова, на примере творчества Достоевского «проблема страдания может быть поставлена сама по себе, независимо от внешних условий, вызывающих страдание»²⁹. Говоря о просветляющей душевной боли, Блок ссылаясь не только на Достоевского, но и на Вл. Соловьева; к его мистической диалектике «света из тьмы» блоковская мысль тогда не раз обращалась (VII, 46, 51; VIII, 37). И впоследствии, вспоминая в Дневнике 1918 г. свои мистические переживания начала века, автор «Розы и креста» так объяснял смысл стихотворения «Моей матери»: «Здесь уже сопротивление психологии: чем больней феноменальной *душе*, тем ясней *мира* — ноуменальные» (VII, 348). Естественно, что молодой поэт влекся «особенно к тем героям Достоевского», для которых «опыт страдания» был «этапом, необходимым для постижения истины»³⁰. Слова Раскольниковца: «Страдание и боль всегда обязательны для широкого сознания и глубокого сердца» — Блок дважды отчеркнул на полях «Преступления и наказания» (т. 1, с. 298).

Материалы «Нового пути» обращали Блока к отвлеченно-мистической трактовке проблемы страдания. Блоковские пометы на страницах исследования Вяч. Иванова «Эллиническая религия страдающего бога» (1904, I—III, V, VIII, IX), труда, вобравшего воздействия ницшеанских и христианских идей, говорят об интересе поэта к патетике «дионисийского» начала в его упоении и избытком жизненных сил, и самозабвенной жертвой. В цикле стихотворений Сологуба «Гимны страдающего Диониса» (1904, I) звучала в «дионисийском» ключе близкая Блоку тема жертвенного подвига художника, гибнущего в творческой муке, чтобы воплотить свои создания.

Но не менее существенным было присутствие в лирическом мире раннего Блока идеала жертвенности гражданской, преемственно связанного с традицией русской демократической литературы. Исследователь справедливо указывает на стихотворение «А. М. Добролюбов» (апрель 1903): его герой, отрок «не от мира сего», идет на служение «вселенскому делу»³¹. Эпиграф из «Рыцаря бедного» отсылает здесь не только к Пушкину, но и к Достоевскому, создателю «Идиота». Народническая идея служения общему благу окрашена в блоковском стихотворении об А. Добролюбове тонами подвижничества, христианской жертвенности. Впоследствии, читая статью Короленко о Гаршине (1911) в IV томе «Русской литературы XIX в.» под редакцией Д. Н. Овсянко-Куликовского, Блок отметит среди многих других суждений слова Гаршина о «потребности п р е т е р п е т ь», органичной для людей его поколения с их социальным альтруизмом, а также указание на «высшую инстанцию» их исканий: «Эта инстанция — *народ*» (разрядка Гаршина; слово «народ» было густо подчеркнуто Блоком)³². В произведениях переломного для Блока 1903 г. «гаршинское» приобретало не только отвлеченно-мистифицированные формы (как, например, в строфах «Я бежал и спотыкался...», посвященных Белому)³³. Уже тогда душу поэта ранили реальные страдания обездоленных — рабство фабричных («Фаб-

* Страдание (греч.).

рика», ноябрь 1903), будничные драмы в жестоком мире, где «бедно дитё». В стихотворении о детях петербургских углов и матери-самоубийце (декабрь 1903, впоследствии названо «Из газет») народная беда по-достоевски увидена поэтом через горькую участь ребенка. Признание Митей Карамазовым своей «вины» за «дитё» и решение ее искупить были отмечены на полях романа (т. 2, с. 410).

3

Таковы были возникавшие «вблизи» Достоевского черты мировосприятия и психологии Блока в пору его размышлений о Кириллове. Предваряя дальнейшие попытки их реконструкции, отметим, что «Весь» весьма интересовали поэта. В принадлежавшем Блоку экземпляре романа имеется свыше 50 помет, — впрочем больше, например, чем на текстах «Преступления и наказания» или «Идиота»³⁴. В блоковских письмах и прозе 1902—1919 гг. «Бесы» упоминаются значительно чаще, чем другие произведения Достоевского³⁵; впервые — в шуточной записке к А. В. Гиппиусу от 1 марта 1902 г., подписанной «Капитан Лебядкин, покорнейший друг и имеет досуг» и воспроизводившей слова из послания капитана к Лизе Тушиной (см. наст. том, кн. 1, с. 431). Ситуации и персонажи романа не раз ассоциировались у Блока-критика с явлениями текущей литературы. В «Смерти Ланде» Арцыбашева Блок обнаруживал перепевы из «Бесов» и других сочинений Достоевского, опусы современных стихотворцев сравнивал с виршами Лебядкина (V, 118; VI, 338—339)³⁶. В одной из рецензий 1905 г. возникла данная попутно характеристика Ставрогина: «холодный зажигатель, швейцарский гражданин» — это мнимый герой легенды, «не настоящий» Иван-царевич (V, 590—591). Ср. слова Достоевского о Ставровине в заметках к роману: «Князь <...> воспламеняет его (Шатова.— И. К.) до энтузиазма, а сам не верит»³⁷. Беглое замечание Блока обнажало червоточину личности Ставрогина, — проповедуемая им идея остается мертва, ибо она не поддержана его «человеческим подвигом»³⁸.

Мотивы «Бесов» отозвались и в лирике Блока 1902—1903 гг. Пытаясь воссоздать весьма его занимавшую тогда «достоевскую» мистику обыденного³⁹, Блок отталкивался от «Бесов» в стихотворении «Все кричали у круглых столов» (декабрь 1902); поэт писал о нем невесте, что здесь передана атмосфера «окраин» жизни, где «Ставрогины кусают генералов за ухо»⁴⁰. «Кириллов за шкафом» — так обозначил современник (Э. Метнер) впечатление ужаса в другом блоковском стихотворении той поры⁴¹. Реплика Метнера непреднамеренно попала в цель: к этому герою Достоевского мысль поэта возвращалась чаще, чем к другим. В романе были сплошь отчеркнуты те страницы, где Кириллов развивал свою теорию «человекобога», где, вспоминая об испытанных им минутах «вечной гармонии», он предсказывал возможность исчезновения времени, «идея» которого «погаснет в уме», когда «весь человек счастья достигнет» («Бесы», ч. I, с. 161; ч. II, с. 41).

Отметил Блок и суждения Кириллова о том, что люди «не хороши <...> потому, что не знают, что они хороши <...> Надо им узнать, что они хороши, и все тотчас же станут хороши, все до единого» («Бесы», ч. II, с. 43—44; ч. III, с. 188). Антропологию Кириллова критик «Нового пути» определял как пантеистическую, процесс появления человека «счастливого и гордого» трактовал как «субъективацию сущности»: «явления возвысятся до сущности, сделаются такими же вечными, безграничными, совершенными». Это высказывание (XI, 66) Блок пометил знаком «X»; идея грядущего мистического преображения бытия была тогда поэту особенно близка.

В статье подчеркивались социально-альтруистические цели богоборчества героя «Бесов». В свое время Н. К. Михайловский не без иронии заметил о Кириллове: «Он верует, что, убив себя, он докажет миру ложь бытия божия и укажет человечеству новые пути»⁴². Вернер, акцентируя в свете своей задачи позитив русского «нищанца», писал, что «новое слово» эгоистического своеволия причудливо сочеталось в сознании Кириллова с «дарящей» любовью к

людям, с маниакальной убежденностью в общественно-освободительной миссии своей идеи, помогающей якобы сбросить иго христианской догмы и открывающей путь к истинному счастью (X, 69, 71). Блок выделил все те части текста, где говорилось о затаенной любви и жалости проповедника «человекобога» к себе подобным, о его «жажде жертвы» и «бремени», стремлении «пострадать» за людей (X, 64—68; XI, 63). Блоковское нота-бене сопровождается следующей характеристикой Кириллова: «Он любит людей не потому, что „их надо любить“, не потому, что он должен их любить, но просто потому, что он любит их, как мы любим свою возлюбленную, своего друга, своего ребенка» (X, 68). Поэт отметил противопоставление Кириллова с его органическим гуманизмом Раскольникову и Ивану Карамазову, «рационалисту-теоретику», обращенным не к человеку, а к абстрактному «человечеству» (X, 67).

Итак, «дарящая» любовь к себе подобным или всевластие Я, — в поисках ответа и на этот «вековечный» вопрос молодой Блок обращался к опыту Достоевского. В тексте «Идиота» поэт был сплошь отчеркнут тот эпизод, на примере которого связь людей, «приобщение одной личности к другой» утверждались как великая сила «в будущем разрешении судеб человечества» (ч. II, с. 402); подобный смысл имели и приведенные выше пометы на страницах статьи, где шла речь о самоотверженности Кириллова. Но Блоком были отмечены также и опровержения, которые обрушивал на идею социального гуманизма «бунтующий» Иван Карамазов (ч. I, 372—373); поэт словно взвешивал «за» и «против». Примечательно, что, читая и помечая впоследствии те страницы «Истории русской литературы XIX в.», где речь шла о вдохновлявшей демократов 70-х годов «идее долга народу», Блок особо отметил высказанное Достоевским в «Подростке» предостережение от угрозы индивидуализма, предостережение, не понятое тогда современниками писателя. «Семидесятинику не приходили в голову вопросы о „любви к дальнему“; для него нравственный принцип о положении души своей за други своя оставался непререкаемым и неизменным». Герой «Подростка» Достоевского спрашивает: «Зачем я непременно должен любить моего ближнего...?». «Зачем непременно надо быть благородным?» — помечал Блок и далее сопроводил двойным отчеркиванием, двумя знаками «NB» и надписью: «Э т о ч е н ь в а ж н о» — следующий текст: «Герой „Подростка“ задавал подобные вопросы, но из тысячи читателей Достоевского едва ли один задумывался тогда над ними: для большинства они звучали как неинтересный парадокс <...> И в этом было счастье людей того времени, *возможность практических действий* (выделенные курсивом слова были подчеркнуты Блоком), залог убедительности призывных речей. *Необходимость „благородства“ была аксиомой*, а благородство могло выражаться только в уплате векового долга народу» (т. 4, гл. 2, с. 55—56) ⁴³.

4

Весьма эмоционально воспринял Блок вопрос о праве на самоубийство, поднятый в статье «Нового пути» по поводу решения Кириллова «заявить своеволие» в «самом полном пункте», т. е. лишит себя жизни. Для особого внимания у Блока были причины личные: еще не забылись переживания 1902 г., когда поэт хотел покончить с собой. Множество восклицаний, «NB», подчеркиваний сопровождают на страницах статьи текст, трактующий формулу Кириллова: «Вся свобода будет тогда, когда будет все равно, жить или не жить. Вот всему цель»; подобное суждение Блок отчеркнул и на полях «Бесов» (ч. I, с. 161). С мнением рассказчика «Бесов» о том, что самоубийству препятствует (как формулировал Вернер) «*инстинктивная любовь к жизни*» (X, 74), Блок не согласился, считая такое объяснение слишком прямолинейным ⁴⁴. Но его заинтересовало разграничение Кирилловым «идейных» самоубийц и тех «обыкновенных», которые «*не побеждают в себе страха смерти, а только заглушают его самою внезапностью своего решения, убивают себя в возбужденном, приподнятом состоянии <...> таких всегда много было и будет*» (X, 72). В тексте «Бесов» поэт выделил эпизод подобного «обыкновенного» самоубийства (юноша, растративший

деньги, застрелился в номере гостиницы: «мучения не замечалось в лице; выражение было спокойное, почти счастливое, только бы — жить» — «Бесы», ч. II, с. 174). А на полях статьи Вернера Блок сопроводил вереницей восклицательных знаков характеристику героического пессимизма «идейных» самоубийц, «*хладнокровно взглянувших* в лицо жизни, *изучивших* ее во всех проявлениях, — и, *убедившись*, что она есть зло, столь же *хладнокровно* покончивших с собой» (X, 73). Данные пометы согласуются с предположением исследователя о том, что мысль поэта в его юношеском дневнике о самоубийстве как «*в ы с ш е м* поступке», свидетельстве «присутствия *силы*» (запись от 14 августа 1902 г. — VII, 54) возникала не без воздействия героя Достоевского: драматические переживания юношеской любви Блока «устремилась <...> в русло кирилловской философии, кирилловских рассуждений о смерти»⁴⁵.

Вместе с тем молодому поэту с его противоречивой натурой, в которой — как он заметил в одном из писем 1902 г. — «склонности к „панихидному“ умозрению» уживалась с обостренным переживанием ценности бытия (VIII, 34), было близким жизнелюбие Кириллова, неожиданное у апологета самоубийства. Кирилловский «лист зеленый, яркий, с жилками» — еще одна в ряду отмеченных Блоком у Достоевского («Бесы», ч. II, с. 42) эмблем «живой жизни» и органической, «нутряной» связи с ней. Таких, как «клеящие листочки» Ивана Карамазова (подчеркнуто, дважды отчеркнуто, сопровождается четырехкратным знаком «X» и «NB» — «Братья Карамазовы», т. 1, с. 362) или глубоко волновавшее поэта «желание „трех жизней“», присущее Подростку (VIII, 34. Ср. в седьмой картине драмы Блока «Песня судьбы» слова Германа, персонажа автобиографического: «Не надо чахлой жизни. Трех мне мало!» — IV, 159). Примечательно, что это свое переживание полноты бытия Блок утверждал тогда наперекор пассивно-созерцательным умствованиям. «От созерцаний душно. Ни одного „чувствования“ я не отдам за тьму „созерцаний“», — писал поэт А. В. Гиппиусу в июле 1902 г. (VIII, 36), словно варьируя мысль Ивана и Алеши Карамазовых: «Жизнь полюбить больше, чем смысл ее», «полюбить прежде логики»; этот девиз Блок энергично подчеркнул в тексте романа (т. 1, с. 363). Иное опровержение кирилловской идеи «высшего поступка» находим у зрелого Блока. В стихотворении «По улицам метель метет» из цикла 1907 г. «Закрытие огнем и мраком» с его «достоевским» лиризмом гибельных страстей возникает искушение самоубийства. Оно по-прежнему осознается как акт предельного «своеволия» («воля всех вольнее воля»), возвышающий личность: «Пойми, уменьем умирать // Душа облагорожена». Но теперь этому кирилловскому девизу противостоит мужественное принятие жизненной «боли», возвращающее героя с «окольного» пути.

Пометы, приведенные выше, позволяют ощутить наряду с «познавательным» и другой, лирический слой блоковского восприятия произведения. Отмечая в романах Достоевского их идейно-смысловые центры, прикасаясь к горячим точкам повествования, молодой Блок поступал как вдумчивый читатель, стремящийся выявить и вобрать суть произведения. Но не менее ценны те из блоковских помет, которые приоткрывают глубину личную, интимную сторону общения поэта с художественным текстом, те, в которых просвечивают его индивидуальные пристрастия или антипатии, творческие и человеческие, вплоть до отдельных склонностей⁴⁶.

Как известно, одним из организующих в мире Блока было, по его признанию, «чувство пути» (V, 369). Д. Е. Максимов сближает «в обобщающем динамическом аспекте» эволюцию Блока и «путь Алеши Карамазова, идущего от уединенности религиозных созерцаний в широкий и трагический мир»⁴⁷. Среди немногих ранних свидетельств осознания поэтом судьбы как «пути» существен символически многозначный мотив русской дороги, выделенный Блоком в тексте «Бесов». «Большая дорога — это есть нечто длинное-длинное, чему не видно конца — точно жизнь человеческая, точно мечта человеческая. В большой дороге заключается идея; а в подорожной какая идея? В подорожной конец идеи... Vive la grande route, а там что бог даст», — отчеркнул Блок рассуждения совершившего свой протестующий «уход» Степана Трофимовича («Бесы», ч. III, с. 248).

Пометы сопровождают и тираду старшего Верховенского в честь «Шекспира и Рафаэля» (ч. III, с. 37), в которой Достоевский не только пародировал эстетизм «людей 40-х годов», в частности Тургенева с его «Довольно»⁴⁸, но и высказал свою заветную (и столь близкую Блоку) мысль о прекрасном как безусловной ценности мира. Поэт выделил также слова предсмертного монолога старого идеалиста: «Весь закон бытия человеческого лишь в том, чтобы человек мог всегда преклониться пред безмерно великим...» (сплошь отчеркнуто до слов: «все та же вечная Великая Мысль!» — «Бесы», ч. III, с. 293). Подобные суждения, вложенные Достоевским в уста Степана Трофимовича, интересовали Блока, судя по его пометам, больше, чем само разоблачение «либерала-идеалиста». Поэт отметил лишь свойственное Верховенскому-старшему полнейшее «незнание обыденной действительности», которое было «умилительно и как-то противно», а также несущественность вины, из-за которой Степан Трофимович ощущал себя «гонимым»: «И все это за сочинения Герцена да за какую-то свою поэму!». Пример «лирического» восприятия наряду с «идеологическим» дают и «Записки из подполья». Читая «Историю русской литературы XIX в.» под ред. Д. Н. Овсяннико-Куликовского, Блок дважды выделил «Записки» (см. с. 121 и 122) в ряду опровержений Достоевским «рационалистического радикализма Чернышевского и Писарева» с их «схематизацией» человека. А лирически поэт отозвался на иное. В стихотворении «Унижение» с его «достоевской» атмосферой почти цитатно повторена реплика «подпольного» героя, за которой слышится крик души автора: «Разве эдак любят?», «Разве эдак человек с человеком сходиться должны?» (Ф. М. Достоевский. Полн. собр. соч. в 30 томах, т. 5. Л., «Наука», с. 155); у Блока: «Разве это мы звали любовью?», «Разве так суждено меж людьми?». Лирический подтекст простирается также и в блоковских пометах, сопровождающих полную драматизма сцену «Преступления и наказания» между Раскольниковым и его матерью, когда, будучи не в силах открыться в содеянном, герой говорит матери о своей любви (т. 2, с. 276—277). Может быть, в многозначительных и волнующих строфах Блока о разлуке матери и сына, идущего на «очистительный» подвиг («Сын и мать», 1906), преломились — среди многих других — впечатления и от этих страниц Достоевского.

Социально-бытовых картин Достоевского карандаш Блока касался совсем редко. Подавление «беспорядков» среди рабочих Шпигулинской фабрики и речь «маньяка»-социалиста на литературном утрене в «Бесах» — лишь две эти политически острые зарисовки остановили внимание Блока при чтении романа Достоевского. Антинигилистический замысел «Бесов» у поэта отклика не вызвал: на соответствующих страницах текста блоковских помет нет (в статье «Нового пути», посвященной Кириллову, данная тема отсутствовала). Вряд ли Блок был склонен акцентировать консерватизм автора «Бесов». «Вспомните только, что Федор Михайлович Достоевский, певец униженных и оскорбленных, был вместе с тем поклонником самодержавия», — эту прямолинейно саркастическую реплику в диалоге «О любви, поэзии и государственной службе» (1906) Блок намеренно отдал воинствующему обывателю Шуту, выразившему расхождение представление о противоречиях великого писателя. А в одном из черновиков 1911 г. к «Возмездью», упоминая «обскуранта» Достоевского, Блок сопроводил этот эпитет ироническими кавычками (III, 462). Не случайно в гл. 2-й «Истории русской литературы XIX в.» поэт отчеркнул ту часть текста, где воздействие Достоевского на современников утверждалось вопреки консерватизму «Бесов» и «Дневника писателя»: «Достоевский стоял в теоретических основах слишком далеко от преобладавших тогда течений, чтобы «Дневник писателя» мог иметь очень большое влияние <...> Но и далекий по взглядам от молодежи, Достоевский притягивал к себе, и успех его речи во время пушкинских торжеств показывает, что ни «Бесы», ни презрение к «лекарям-социалистам» не могли убедить молодое поколение, будто Достоевский не с ними» (с. 94).

Сказанное отнюдь не отменяет того обстоятельства, что публицистика Достоевского Блока интересовала. Пометы на упомянутой выше книге «Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского» говорят о при-

стальном внимании поэта к мыслям Достоевского о пагубном «разъединении» народа с интеллигенцией в результате петровских реформ и о необходимом «примирении цивилизации с народным началом» (отчеркивания и подчеркивания на с. 178, 180 и пометы на других частях текста аналогичного содержания). Блоковские маргиналии подтверждают мнение исследователя о зависимости мысли поэта от данного круга идей автора «Дневника писателя»⁴⁹. Неоднократно были отмечены Блоком нападки Достоевского на западников, хотевших натянуть на русское общество «чужой кафтан», и вместе с тем сдержанное отношение писателя к славянофилам, давшим «вместо настоящего понятия о России какую-то балетную декорацию, красивую, но несправедливую и отвлеченную» (отчеркнуто Блоком на с. 201 «Биографии», в тексте редакционной заметки из № 1 журнала «Время» за 1861 г., написанной Достоевским). «Общество смотрит на них (славянофилов. — И. К.) с недоумением, а народ — *равнодушно*», — подчеркнул Блок там же. «О п о ч в (е н н и к а х) и с л а в я н о ф (и л а х)», — написал Блок на полях «Биографии» и отметил значком «NB» то письмо к А. Н. Майкову от 26 октября (7 ноября) 1868 г., где Достоевский, упоминая о проектируемом журнале «непреренно *русского духа*», предостерегал от того, чтобы *слишком* гоняться за славянством (с. 197, 2-я пагинация; курсив Достоевского). Отметил поэт и высказанную Достоевским похвалу Н. Данилевскому, сумевшему «из *фурьериста* обратиться к России, стать опять *русским* и *возлюбить свою почву и сущность! Вот по чему узнается широкий человек!*» (с. 200—201, 2-я пагинация; подчеркнуто Блоком).

Значительная часть блоковских помет на текстах романов Достоевского касается психологической аналитики, открытий писателя в сфере душевной жизни. О том, что именно в них поэту виделась главная ценность созданного Достоевским, говорят и более поздние блоковские пометы на страницах обзора художественной прозы 70-х годов упоминавшегося нами труда «История русской литературы XIX в.». Автор обзора И. Н. Игнатов, вторя оценкам и мнениям радикально-демократической критики (Н. К. Михайловский, П. Н. Ткачев)⁵⁰, считал, что Достоевский остался прежде всего аналитиком индивидуальной психологии, хотя и тщился отразить «идейные стремления своего времени». «Некоторые части романа, — писал Игнатов о „Бесах“, — *целиком скопированы из нечаевского процесса; одна из сцен „Подростка“ взята из процесса Долгушина; „Братья Карамазовы“ имеют очень близкое соприкосновение с временными течениями, характеризовавшими настроения тогдашней молодежи; но на самом деле все это было далеко от изображаемых течений*. И делал вывод: «Центральное значение романов Достоевского не в этом внешнем подобии действительности, а в том глубоком душевном анализе, который даже в 70-х годах с необыкновенной силой притягивал к себе читателей, несмотря на насмешки над дорогами для семидесятников стремлениями». Блок подчеркнул все цитированные здесь строки, а вывод критика отчеркнул дважды (с. 93; вариант данного суждения на с. 94 был также выделен Блоком).

Что же более всего занимало поэта в изображении Достоевским «глубин души человеческой»? Судя по пометам, это прежде всего ее антиномичная природа, обнажавшиеся писателем столкновения высокого и низкого, раздвоенность мысли и слова, слова и поступка, побуждения и действия. Опыт великого художника «рго» и «соптра» влиял на Блока-поэта и Блока-человека тем больше, чем дальше уходил он от молитвенно-уединенного и благостного культа Дамы в бурную, трагически противоречивую реальность. Причем значение этого опыта не исчерпывалось сферой психологии или этико-философских исканий: специфичная для Блока, художника расколотого антагонизмами мира, поэтика контраста⁵¹ формировалась, по-видимому, также не без воздействия искусства Достоевского⁵².

Крайняя степень душевного разлада в изображении Достоевского привлекала Блока и стала одной из тем его лирики, начиная со стихотворения 1901 г. «Двойнику»⁵³. Мотивы психологической раздвоенности отмечал на страницах романов Достоевского и Блок-читатель. Так, в «Идиоте» выделены слова Мыш-

кина о «двойных мыслях», с которыми даже ему, праведнику, «ужасно трудно бороться» (ч. II, с. 308). На полях «Бесов» отчеркнуты слова Шатова: «Убеждения и человек, — это, кажется, две вещи во многом различные» (ч. III, с. 179) — и мнение Степана Трофимовича о том, что «самые высокие художественные таланты могут быть ужаснейшими мерзавцами и что одно другому не мешает» (ч. II, с. 167. Ср. позднее суждение Блока: «Мы уже можем смело сказать, что у иных людей, наряду с материальными и корыстными целями могут быть цели очень высокие <...> Этому нас, русских, научил, например, Достоевский» — VI, 70). Отметил поэт и осуждение Достоевским прямолинейной оценки людских поступков; впечатлившие Мышкина и повторенные им слова Аглаи: *«тут одна только правда, а стало быть и несправедливо»* — подчеркнуты в тексте II части романа (с. 425).

Горячие страсти героев Достоевского, их «надрыв» притягивали внимание Блока (впоследствии этим «достоевским» словом он обозначит свои взаимоотношения с невестой — VII, 426). Характерен подтвержденный множеством помет интерес поэта к падениям и взлетам Мити Карамазова.

А в блоковском очерке 1915 г., посвященном Аполлону Григорьеву, «буйному, благородному и страждущему юноше с душою Дмитрия Карамазова», натура поэта, «мающаяся между „восторгами“ и „хандрой“», воссоздана в том же психологическом ракурсе, в каком дан герой Достоевского. Это — человек русский, втайне набожный (ибо грешный), борющийся с «темным царством» в «собственной душе», «безобразник, которому море по колено; и, наконец, мудрец, поющий гимны Розе и Радости» (V, 496—500). Используя в анализе личности Ап. Григорьева художественный «ключ» Достоевского, Блок шел тем же путем, что и Вяч. Иванов, конструировавший в духе Достоевского двойственный облик самого Блока (стихотворение «Бог в лупанарии», 1909)⁵⁴.

Фиксировал Блок-читатель и наблюдения Достоевского в сфере душевной патологии — «страсть к мучительству», «страсть к угрызениям совести», к «сладострастию нравственному» («Бесы», ч. II, с. 63). «Человек вообще очень и очень даже любит быть оскорбленным, замечали вы это? Но у женщин это в особенности. Даже можно сказать, что тем только и пробаваются, — эту сентенцию Свидригайлова Блок отчеркнул двукратно («Преступление и наказание», т. 2, с. 9); выделена и просьба Даши к порвавшему с ней Ставрогину «кликнуть» ее, когда «будет конец» («Бесы», ч. II, с. 121)

Среди тех коллизий романов Достоевского, в которых проявились преддекадентские мотивы любви-ненависти, Блока волновала участь благородного и преданного героя, унижаемого «инфернальницей». Так, эпизод «глумительной выходки» Лизы Тушиной по отношению к Маврикию Николаевичу был сплошь отчеркнут поэтом, как и замечание рассказчика о вспышках необъяснимой, «слепой» ненависти героини к человеку, которого «она чтит, любила и уважала» («Бесы», ч. II, с. 182. Ср. парафраз слов Мити «я тебя и ненавижу любил» — «Братья Карамазовы», кн. XII, гл. V — в блоковском стихотворении «О, расна без конца и без краю...»: «Ненавижу, кляня и любя» — II, 273). Знаками «X» и «[» выделил Блок возглас Маврикия Николаевича в сцене бегства героини «Бесов»: «Лиза! — вскричал он, — я ничего не умею, но не отгоняйте меня от себя!» — ч. III, с. 110. Четырехкратно отчеркнута и тирада Мити о необходимости для «порядочного человека» «быть под башмаком»: «Мужчина должен быть великодушен, и мужчину это не замарают. Героя даже не замарают, Цезаря не замарают!» (и т. д. до слов «...в свою душу принял» — «Братья Карамазовы», т. 2, с. 415). Примечательно в этой связи обилие блоковских помет на том из поучений Зосимы, где любовь предстает как терпеливый подвиг смирения и надежды: «...спросишь себя: „взять ли силой али смиренною любовью“? Всегда решай: „возмуж смиренною любовью“ <...> Смирение любовное — страшная сила, изо всех сильнейшая, подобной которой и нет ничего», — помечал рыцарь Прекрасной Дамы, — «любовь покупается долгою работой и через долгий срок, ибо не на мгновение лишь случайное надо любить, а на весь срок. А случайно-то и всяк полюбить может, и злодей полюбит» («Братья Карамазовы», т. 1, с. 501).

Мысль о «смирении любовном», выделенная Блоком в речах Зосимы, отозвалась в ряде стихотворений 1902—1906 гг., вошедших в цикл «Покорность» (сб. «Нечаянная радость»): «Зимний ветер играет терновником», «Утихает светлый ветер» и др. Но мотивами «смирения любовного» блоковская символика «покорности» не исчерпывалась. Как и у Достоевского, она приобретала у поэта также общемировоззренческое и социально-историческое измерение: в цикл «Покорность» Блок не случайно включил стихотворение «Поднимались из тьмы погребов» (1904). В мужественной готовности его лирического героя к гибели под натиском поднявшихся масс сказался не только излюбленный символистами девиз Ницше «*апог fati*», но и завет Достоевского о «смирении» личности перед народом, а также переживание реальных событий революционного времени. Автор пушкинской речи звал «гордого человека» склониться перед извечной «народной правдой», Блок — перед насущным народным правом на протест.

5

В одной из рецензий 1905 г. Блок упомянул о том, что у Достоевского как «у великого писателя, „ценности всегда переоценены“» (V, 555). Фразеологема Ницше здесь лишена своего специфического смысла, но с ее помощью соотнесены масштабы духовного бунта создателя «Карамазовых» и автора «Антихриста». Их имена Блок поставит рядом в статье 1910 г. «Рыцарь-монах»; говоря от лица ждущих «нового света от нового века», поэт скажет, что у них за плечами «великие тени Толстого и Ницше, Вагнера и Достоевского» (V, 453). Как же отнесся поэт к развернутому в статье «Нового пути» сопоставлению Кириллова и Ницше? В «богоравном» человеке Кириллова — Блок выделил не столько «ницшеанские», сколько именно бунтарски-романтические черты, которые отвечали представлениям самого поэта об идеальном герое. Это «отсутствие страха смерти и трепета перед божеством», представление о «творящем Я» как о начале и мере всех вещей, «пантеистический восторг перед природой», «верность Земле» — изначальным силам бытия, мистически понятой стихии органической жизни (соответствующие части текста на с. 142, 143, 140, 162 кн. XII журнала сопровождаются отчеркиваниями, порой многократными, знаками «NB»). Характерны в этой связи и отмеченные Блоком указания на асистемный, «художнический» тип мышления Кириллова, у которого представления и образы сочетались «не с помощью логики, но живым, непосредственным чувством», — трижды отчеркнуто на с. 67 кн. X).

Заинтересовали поэта те места статьи, где антропологические представления Достоевского и Ницше разграничивались. Интенсивно выделил Блок мнение Вернера о том, что идеал новой личности является у Кириллова отрицательным по преимуществу в отличие от Ницше, чей Заратустра устремлен к утверждению «новых ценностей», к «делу» созидания «сверхчеловека» (XII, 167, 142, 147). Подчеркнул поэт и указание на самобытность панацеи Кириллова, которая «не кажется ему вовсе идеей божества» («чего нет у Ницше» — XI, 63); отметил Блок у героя «Бесов» одержимость идеей и «пророческую» болезнь⁵⁵.

Среди указанных в статье схождений Кириллова и Ницше внимание поэта привлекла проблема страдания: обнаруживая непоследовательность своей этики, певец «антихриста» не раз признавал формирующую роль страдания в становлении личности, видел в нем, как писал Вернер, «залог совершенствования человека» (отчеркнуто Блоком — XI, 64). Такой широкой формуле отвечало и блоковское понимание темы Достоевского (о чем говорилось выше), и с юности присущее самому поэту убеждение в катартической силе душевной боли, от которой «ясней мира». Но в статье проступал и «другой» лик Ницше, враждебный гуманизму и демократизму Достоевского: Блок отметил филиппики автора «По ту сторону добра и зла» против «слепой» «любви к ближнему», против «сострадательных, находящихся блаженство в своем страдании», презрительные нападки на «христианскую мораль смирения», эту «мораль толпы», «мораль рабов» (XII, 172, 174, 179)⁵⁶.

Особое внимание поэта привлекли мысли Ницше о страданиях творящего «Я», его «родильных муках». В соответствующих фрагментах из Ницше, цитированных в статье, Блоком были отмечены строки о творчестве как самоотречении художника. Троекратно отчеркнул карандаш Блока слова Заратустры о том, что красота «там, где я должен хотеть всей моей волей, там, где я хочу любить и погибнуть для того, чтобы мой образ не остался бы *только* образом» (XII, 159). Эти мысли Заратустры, — как и вариации их в упомянутых нами выше новопутейских стихотворениях Сологуба о «дионисийской» гибели поэта, — встретятся в сознании Блока с фетовской метафорой творчества как «самосожжения». (Ср. также иносказание духовного подвига из «Легенды» Пушкина: «сгорел душою» — в блоковской характеристике Вл. Соловьева «Рыцарь-монах» — V, 451.) «Многокорневой» мотив этот разовьется у Блока в лирике «Страшного мира» («Как тяжело ходить среди людей», 1910) и в статьях. Пафос подлинного артиста — «готовность к творческой гибели» (V, 255); напротив, «невыстраданность» — примета «легковесности», «неодухотворенности» творчества и тем самым его «преходящего значения» (V, 622, 278; см. также V, 195—196). Так, например, Горький, общенациональный смысл творчества которого утверждался в статье «О реалистах» (1907), для Блока — «великий страдалец и не подлежит «укорам» эстетствующей «культурной критики» (V, 102). Среди тех, кто в созданиях своих «сжег себя дотла», Блок назовет первым Достоевского (V, 278). Доминантой его видится по-прежнему стихия патетического. Но теперь для Блока, ушедшего от своей юношеской мистики, страдание — удел искателя социальной правды: Достоевский «венчается страданием», ибо, мечтая о «мировой справедливости, о защите униженных и оскорбленных», он хотел «преобразить несбыточное, превратить его в бытие» (V, 78—79). Подобными словами: «несбывшееся — воплотить» скажет вскоре Ярем о своей творческой цели и автор «Амбов».

Белый заметил однажды, что «Блок никогда не отдавался Ницше: видимо, прошел мимо него»⁵⁷. Действительно, в мир базельского философа Блок не погружался столь глубоко, как Вяч. Иванов, Мережковский или сам Белый. Но нельзя не вспомнить признание поэта в письме к матери (октябрь 1910): «Читал Ницше, который мне очень близок» (VIII, 319). Примерно тогда же Блок сопроводил множеством помет текст статьи Вяч. Иванова «Ницше и Дионис» в ивановском сборнике «По звездам» (1909). Ранее в 8-м томе сочинений Вл. Соловьева (1903) против той части текста работы «Первый шаг к положительной эстетике», где автор выразил пренебрежение к Ницше, Блок написал: «Позорная страница»⁵⁸. И уже совсем трудно согласиться с тем, что Блок «прошел мимо» Ницше, памятуя не только о «дионисизме» «Снежной маски» и о концепции «музыки» у зрелого Блока, но и вглядываясь в его ранние пометы на статье о «Бесах»⁵⁹.

Весьма существенно то, что поэт читал эту статью в пору острого интереса к Ницше среди русских символистов, да и не только в их кругу. Именно в 1903 г. возникло задуманное А. Белым и Эллісом «во имя Ницше» содружество московских «аргонавтов»; для них Ницше был «знаком того, что „позитивистские“ устои отрицательной жизни переживают кризис и что мир стоит на грани обновления и преобразования»⁶⁰. В подобном ключе романтико-идеалистической оппозиции засилью рационализма в бытии и мышлении воспринимал Ницше, как это видно из приведенных выше данных, и молодой Блок.

Упоминание в статье «Нового пути» о присутствии Ницше пафосе «новых ценностей» сопровождала блоковская надпись: «Кто из знающих стихи осмелится сказать, что эти ценности не реальны!» (XII, 167). Блок здесь имел в виду реализацию мотивов Ницше в поэзии начала века, прежде всего в лирике Бальмонта. Это прямо подтверждает другая надпись поэта. Критик «Нового пути» писал, что теория познания Ницше возникала в противовес «мышлению по причинности»: в освобождении от «рабства причинности» Ницше видел одну из раскрепощающих сознание задач «сверхчеловека», призывающего «над всеми вещами поставить купол случая, купол невинности,

купол нечаянности (Ungefähr), купол произвола (Übermut). Отчеркнув данное суждение, Блок сделал сноску к словам о случае, нечаянности, произволе и написал на полях: «К. Д. Б а л ь м о н т» (XII, 160). В этом беглом сопоставлении Блоком была уловлена суть лиризма Бальмонта с его программной стихийностью эстетической воли и «внезапностью» творческого акта. Имя Бальмонта возникло на полях статьи не случайно: именно в конце 1903 г. «Новый путь» печатал стихи из книги «Только любовь», а Блок готовил для журнала свою первую рецензию на сборники поэта. В ней примечательна для нас попытка Блока измерить явление символистского творчества (воспринимавшееся в ключе Ницше) мерой Достоевского; повод для такой попытки дал сам Бальмонт, вынеся в эпиграф книги «Только любовь» слова Кириллова: «Я всему молюсь». Доминанту Бальмонта, «*поэта прежде всего*», верного «*сердцу прежде всего*», Блок соотнес с близким ему самому критерием «живой жизни» у автора «Карамазовых»: сила Бальмонта в том, что он сумел «полюбить явления, помимо их идей» (Блок здесь варьировал девиз Ивана и Алеши Карамазовых «жизнь полюбить больше, чем смысл ее»; как отмечалось выше, эти слова были подчеркнуты Блоком в тексте романа — т. 1, с. 363). В тонах пантеистического «оправдания» полноты бытия истолковал тогда Блок даже имморалистские призывы Бальмонта («Все равно мне, человек плох или хорош...», «Будем солнцем, будем тьмою» — 1904, I, 251—252), хотя в них звучали не мысли Кириллова, но перемены ницшеанства.

В начале века в «русском прочтении» Ницше обнаружилась тенденция отрицать проповедь эгоцентризма, вседозволенности и увидеть в «сверхчеловеческом» эмблему возвышения личности, отдающей себя общему благу. В таком аспекте был трактован на страницах «Нового пути» и «Ницшеанец» из «Бесов», движимый альтруизмом, жертвенной любовью к человечеству; Блок в своих пометах акцентировал, как мы видели выше, эти мотивы. Впервые подобное восприятие Ницше было заявлено Вл. Соловьевым в статье «Идея сверхчеловека»; статья появилась в 1899 г. в «Мире искусства», а затем, в 1903 г., — в VIII томе собрания сочинений философа, и Блок ее читал⁶¹. Оставаясь непримиримым к аморализму Ницше, осудив ницшеанский культ «господских натур, которым „всё дозволено“», Соловьев переосмыслил «идею сверхчеловека» в духе заветов русской гражданственности, осуждавшей пагубу индивидуализма. «Сверхчеловеческий путь, — писал Соловьев, — тот, которым шли, идут и будут идти многие на благо всех»⁶². Подобным образом трактовал идеал Ницше и Вяч. Иванов, для которого «сверхчеловеческое — уже не индивидуальное, но по необходимости вселенское и даже религиозное», и «сверхчеловек — Атлант <...> несущий на своих плечах тяготу мира»⁶³. Молодой Белый, мечтавший «соединить» идеи Ницше, Вл. Соловьева и Достоевского в одно «грандиозное учение-религию» (при этом, подчеркивал Белый, «Ницше-имморалист, Ницше-антихрист остался бы в стороне), так определял чаемый антропологический идеал: «Сверхчеловек, но преломленный полувысказанными взглядами Достоевского на этот предмет»⁶⁴.

Существенной оказалась «призма» Достоевского и для духовных исканий молодого Блока, черты которых отразились, как в кашле, в его пометах на страницах романов великого писателя и на статьях о нем. Свой мистико-романтический идеал бытия молодой поэт защищал от любых воздействий рассудочного умозрения и логизированной морали. Вместе с тем, «сын века», он прислушивался к ницшеанской проповеди, воспринимавшей тогда многими как новая правда о путях к освобождению личности. Но решающим в сознании Блока оказался зов «старой» русской литературы, голос гуманистической этики Достоевского, в чей мир поэт входил в начале столетия.

* * *

В то время, когда наст. том находился в производстве, вышли заключительные (вторая и третья) книги «Описания» библиотеки Блока (Л., БАН, 1985 и

1986) с новыми перечнями маргиналий поэта. Некоторые из них содержат упоминания о Достоевском, подтверждающие выводы, к которым мы пришли выше. С юных лет Блок-читатель увлеченно и глубоко осваивает мир Достоевского. Тексты Достоевского всегда у Блока на памяти, и обилие ассоциаций с ними в его книжных пометах закономерно; приведем некоторые из них:

«Г о г о л ь, Д о с т о е в с к и й» — написал Блок на полях с. 296 тома IV Полн. собр. соч. М. Ю. Лермонтова (СПб., 1911). Так оценил поэт коллизия незавершенной повести Лермонтова «У графа В. был музыкальный вечер. . .». Надпись Блока «Д о с т о е в с к и й» дважды встречается на полях Собр. соч. Вл. Соловьева (СПб., изд. «Общественная польза», 1901—1907): 1) в т. III на статье «Духовные основы жизни» против текста: «Всюду деятельная истина единства настагает и связывает ложные стремления раздора и *даже в явлениях крайнего эгоизма показывает противный эгоизму смысл*» (с. 322—333, подчеркнуто Блоком); 2) в т. VII при чтении трактата «Оправдание добра» в главе «Жалость и альтруизм» против текста: «. . . часто приходится говорить: „это чувственный и беспутный человек — развратник, обжора, пьяница, — однако он очень сострадателен“. . .» (с. 88). Примеры духовно-нравственных противоречий, как мы уже видели выше, Блок привык соотносить с опытом Достоевского.

Приведя на полях пушкинского стихотворения «Деревня» (в изд. «Сочинения и письма А. С. Пушкина», т. I. СПб., «Просвещение», 1903, с. 247) некоторые данные из комментария (со с. 544—545 того же изд.), Блок написал: «о т н о ш < е н и е > П о г о д и н а и Д о с т о е в с к о г о». Поэт сравнивал трактовку заключительных строк «Деревни» в упомянутой комментатором речи М. П. Погодина («Моск. ведомости», 1861, № 11, 14 января) и в статье Достоевского о Некрасове из «Дневника писателя за 1877 год»; (Ф. М. Д о с т о е в с к и й. Полн. собр. соч., т. 26, с. 114—115). Погодин расценил эти строки «Деревни» как «подтверждение» Пушкиным «монаршей» воли освободить крестьян, Достоевский — как свидетельство «любви Пушкина к народу русскому».

Две пометы касаются «Братьев Карамазовых» и «Подростка». Читая статью Ив. Коневского «На рассвете» (кн. «Стихи и проза». М., «Скорпион», 1904), Блок подчеркнул на с. 125 упоминание «Карамазовых», отметив оценку этого романа Коневским как «вещего» выражения одной из драм, характерных для нравственной атмосферы кануна 80-х годов. А на полях одной из статей «Мира искусства» (1902, т. 7, с. 88) против текста: «Настоящие живые люди, даже родные, покидались, когда заходила речь о служении идее», Блок приписал: «А р к а д < и й >. Д о л г о р у к и й („Подросток“)». Эта надпись была сделана на статье Л. Шестова «Достоевский и Ницше. Философия трагедии», которая привлекла интерес Блока, сопроводившего первую половину ее текста многими пометами. Подчеркнув указание Шестова на «одинаковость внутреннего опыта обоих писателей», Блок написал против слов «Ницше признал в Достоевском своего родного человека»: «Одного безумия люди». Это — реплика Версилова из его объяснения с Ахмаковой. Несколько позднее Блок, читая статью Вернера, трактовал вопрос о близости Достоевского и Ницше менее категорично и отмечал также их различия. Читая работу Мережковского «Лев Толстой и Достоевский» Блок сделал пометы на тексте «Заключения» («Мир искусства», 1902, т. 7). Они касаются главным образом богословских суждений Мережковского о «равносвятости Духа и Плоти», от которых уже тогда отталкивался Блок (см. Дневник 1902 г. — VII, 53 и упомянутые выше письма Блока Белому лета 1903 г.).

Дальнейшее изучение Блока несомненно обнаружит новые свидетельства его духовной и творческой связи с Достоевским.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: З. М и н ц. Блок и Достоевский. — В сб.: «Достоевский. Его время». Л., «Наука», 1971; Б. С о л о в ь е в. Блок и Достоевский. — В кн.: «Достоевский и русские писатели». М., 1971; Л. Т а г а н о в. Молодой Блок читает Достоевского. — В сб.: «Русская литература XX в.», вып. 6. Тула, 1974; Н. В и л о р. Тема города в творчестве Достоевского и Блока. —

«Труды Омского пед. ин-та. Проблемы русской литературы», вып. 82, 1974; А. А р х и л о в а. «Подросток» в творческом восприятии Блока.— В кн.: «Достоевский. Материалы и исследования», т. 3. Л., «Наука», 1978; Т. Р о з н и а к. *Błok i Dostojewski*.— «Slavia Orientalis», 1965, N 4; Idem. *Dostojewski w kręgu symbolistów Rosyjskich*. Wrocław, 1969, s. 161-187.

² Ипполит Антонович *Вернер* (1852—?) — беллетрист (псевдоним «Ип. Антонович»), социолог, демограф. В 1890-е годы печатался в «Русском богатстве», «Русской мысли». В 1900-е годы выступал со статьями религиозно-философского содержания в «Новом пути», «Вопросах жизни».

³ Принадлежавший Блоку полный комплект «Нового пути» (1903—1904 гг.) с его факсимиле, надписями и многочисленными пометами «оторвался» от основного фонда его книжного собрания (ИРЛИ) и ныне хранится в Отделе редких книг Научной библиотеки ВТО (Москва). За предоставленную возможность познакомиться с принадлежавшими Блоку экземплярами «Нового пути» и его приложения, «Записок религиозно-философских собраний в Петербурге», автор благодарит В. П. Нечаева и Е. М. Тынянову.

⁴ «Новый путь», 1903, кн. 1, с. 6. Далее год, номер (римской цифрой) и страница этого журнала указываются в тексте.

⁵ См. запись Блока в «Дневнике» от 28 июля 1902 г. (VII, 53). Далее том и страница указываются в тексте; Блок — Белому 1 августа 1903 г.— В кн.: «А. Блок и А. Белый. Переписка», с. 45.

⁶ «Мир искусства», 1902, № 5/6, с. 342. Версия Шестова получила распространение, отзвуки ее слышались и в 1910-е годы. Куприн писал в открытом письме А. Шницлеру: «...Фридрих Ницше подарил вам не кто иной, как Достоевский» («Русское слово», 1914, 24 сентября, № 218). Но еще в 1904 г. было опубликовано опровергающее концепцию Шестова признание Ницше о Достоевском: «Я ему благодарен, хотя он неизменно противоречит моим самым сокровенным инстинктам». — Цит. по статье В. В. Дудкина «Достоевский в немецкой критике (1882—1925)». — В сб.: «Достоевский в зарубежных литературах». Л., «Наука», 1978, с. 217.

⁷ А. В о л ы н с к и й. Книга великого гнева. Изд. 2. СПб., 1904, с. 84.

⁸ Д. С. М е р е ж к о в с к и й. Лев Толстой и Достоевский.— В кн.: Д. С. М е р е ж к о в с к и й. Полн. собр. соч., т. 10. М., изд. И. Д. Сытина, 1914, с. 160.

⁹ Там же, с. 118. Ср. суждение Блока: «Он (Достоевский.— *И. К.*) влюблен чуть ли не более всего в Свидригайлова» (V, 348). Замечание критика «Нового пути» о том, что «Смердяков (...) был типом вполне объективным», Блок сопроводил знаком «?» (1903, X, 56). Позже, цитируя в статье «О реалистах» (1907) слова А. Горнфельда: «Не только светлого Алешу Карамазова, но и Смердякова и Фому Опискина писал с себя мучитель-Достоевский», — Блок заметил: «Это — первый и самый глубокий вывод Горнфельда» (V, 125).

¹⁰ Ю. Д а в ы д о в. Два понимания нигилизма (Достоевский и Ницше).— «Вопр. лит.», 1981, № 9, с. 117.

¹¹ Насмешливые упреки, которые обращал к Канту юный Блок, близки в общих чертах тем глубинным антикантовским мотивам, которые были присущи автору «Братьев Карамазовых» с его оппозицией рационализму, сциентизму (см.: Я. Э. Г о л о с о в к е р. Достоевский и Кант. М., изд-во АН СССР, 1963. Ср.: П. Г а й д е н к о. Трагедия эстетизма. М., «Искусство», 1970, с. 213—218).

¹² По-видимому, Блок имел в виду болезнь, постигшую Канта в конце жизни.

¹³ Например, в письме к матери 30 января 1908 г.— VIII, 227.

¹⁴ См. письма Блока Белому 3 января, 13 октября и 20 ноября 1903 г.— «А. Блок и А. Белый. Переписка», с. 5, 52, 67.

¹⁵ Устойчивые антикантовские настроения молодого Блока не учтены на страницах, посвященных проблеме «Блок — Кант», новой научно-популярной книги о философе (А. Г у л ы г а. Кант. М., «Мол. гвардия», 1981). Автор счел прокантовским даже стихотворение «Сию за ширмой...», в котором Блок «вдохновился» якобы «трансцендентальной эстетикой Канта» (с. 106—107): «По Блоку «музыкальность» означает способность чувствовать мировую гармонию, выйти за пределы исторической детерминации и цивилизации, отрешиться от них. Способным на это представляется ему Кант, каким он видит его в своем стихотворении», — заключает А. Гулыга (с. 124). Разумеется, шарж на «испуганного» мудреца, спрятавшегося от мира «за ширмой» априорных категорий (I, 623), не дает оснований для подобного вывода, да и концепция «духа музыки» возникла у Блока позднее. Не была уловлена автором книги и ирония А. Белого по адресу кантовских «Критик» в стихотворении «Под окном» (тоже якобы «вдохновленном» Кантом, с. 107). Белый, отдавший значительную дань кантовству, осуждал его «ядовитый» рационализм не менее резко, чем Блок. «Кант отравляет синильной кислотой интеллибельную вселенную вот уже сто лет», — писал, например, Белый в 1908 г. (А. Б е л ы й. Арабески. М., «Мусагет», 1911, с. 215). Об отношении Белого к Канту см.: И в а н о в - Р а з у м н и к. Вершины. Александр Блок. Андрей Белый. Пг., «Колос», 1923, с. 62—66.

¹⁶ Воспроизведена в ЛН, т. 27/28, с. 527.

¹⁷ Цит. по: ЛН, т. 89, с. 138.

¹⁸ З. М и н ц. Блок и Достоевский, с. 218. До того поэт читал Достоевского летом 1897 г. (см. письмо к матери 19 августа 1897 г.— «Письма к родным», I, с. 34).

¹⁹ Пометы Блока сохранились также и на полях книги «Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского» (СПб., 1883; «Описание», № 115, с. 76—77). Поэт отметил суждения Достоевского о русском народе, о России и Европе, славянофильстве и западничестве, а также некоторые автобиографические признания писателя, творческие пла-

ны, мысли о литературном труде. Блоковские пометы, касающиеся Достоевского, встречаются и на сочинениях других авторов. Так, читая «Анну Каренину» (в изд.: Л. Н. Толстой. Сочинения. Изд. 7. М., 1887—1900, т. II, с. 219), Блок написал на полях против той части текста, где изображена внешность героини романа: «Н а с т (а с ь я) Ф и л (и п п о в н а) т о ж е п р е ж д е п о р т р е т , а п о т о м с а м а . (На эту надпись, которая войдет в кн. 2 «Описания», указала мне О. В. Миллер.) В брошюре А. Белого «Трагедия творчества. Достоевский и Толстой» (М., «Мусaget», 1914; «Описание», № 88, с. 33) ряд помет относится к теме трагических противоречий Достоевского и замечаниям о его стиле. В IV томе «Истории русской литературы XIX в.» под ред. Д. Н. Овсяннико-Куликовского (М., «Мир», 1911) сохранилась надпись Блока на оглавлении. Против имен Надсона и Шедрина, набранных крупно, Блок написал: «к р у п н ы й ш р и ф т», а против имени Достоевского отметил: «м е л к и й ш р и ф т», как бы указывая на несообразность подобной градации; по отношению к Достоевскому для поэта не было мелочей.

В книгах, читанных Блоком (в том числе в произведениях Достоевского и материалах о нем), помимо общепринятых отчеркиваний, подчеркиваний частей текста, знаков «Е», «I», «?», «V», встречаются знаки «X», «//», «—», «α» и мн. др. (О специфике маргинальных знаков Блока см.: Д. Максимов. Ал. Блок и Вл. Соловьев (по материалам из библиотеки Ал. Блока). — В сб.: «Творчество писателя и литературный процесс». Иваново, 1981). Характерным для Блока-читателя было также усиление помет путем их двукратного или многократного повторения. Свой комментарий, порой иронический и всегда эмоциональный, Блок давал в надписях на полях страницы.

На немногочисленных изданиях Достоевского и книг о нем, имевшихся в шахматовской библиотеке, помет Блока не было (см.: П. А. Журов. Шахматовская библиотека Бекетовых-Блока. Публикация З. Г. Минц и С. С. Лесневского. — Уч. зап. ТГУ, вып. 358. Труды по русской и славянской филологии, т. XXIV, 1975, с. 408, 405, 411).

²⁰ Об этапах «отмежевания» Блока от навязчивой христианской тенденции Евгения Иванова см.: Д. Максимов. Александр Блок и Евгений Иванов. — «Блоковский сб.», 1, с. 354.

²¹ «А. Блок и А. Белый. Переписка», с. 44.

²² См.: Д. Максимов. О мифопоэтическом начале в лирике Блока. — «Блоковский сб.», 3, с. 11 и след.

²³ «А. Блок и А. Белый. Переписка», с. 48.

²⁴ Ср. с оценкой лирической доминанты молодого Блока его современником: «Живое сознание присутствия в мире бесконечного, божественного, чудесного» придало творчеству поэта «как бы новое измерение, необычную, иррациональную, таинственную глубину». — В. Жирмунский. Поэзия Александра Блока. — В сб.: «Об Александре Блоке». Пг., «Каргоный домик», 1921, с. 68.

²⁵ «Вяч. Иванов. Свобода и трагическая жизнь. Исследование о Достоевском» (реферат И. Б. Роднянской). — В сб.: «Достоевский. Материалы и исследования», кн. 4. Л., «Наука», 1980, с. 221. В древнем предании о «Матери-Земле» Вяч. Иванов видел «основной миф в романе «Бесы»» (см.: Вяч. Иванов. Боровды и межи. М., «Мусaget», 1916, с. 61—72). Ср. отчеркнутую Блоком в тексте работы Белого «Трагедия творчества. Достоевский и Толстой» интерпретацию впечатливших Шатова слов Хромоножки о том, что «земля есть народная богородица», с. 26). Автор статьи о «Бесах» в «Новом пути» акцентировал идею «верности земле» у «человекобога» Кириллова и у «сверхчеловека» Ницше. Блок выделил это суждение Вернера и подчеркнул цитату из Ницше: «Теперь самый страшный грех — хулить землю и непостижимое ставить выше, чем смысл земли (der Sinn der Erde)» (XII, 140).

²⁶ «А. Блок и А. Белый. Переписка», с. 45.

²⁷ См., напр., письма Блока Белому от 18 июня и 1 августа 1903. — Там же, с. 34—36, 43—44.

²⁸ «Записки Религиозно-философских собраний в Петербурге», заседание 1-е. — «Новый путь», 1903, 1, с. 8, 2-я пагинация. Экземпляр Блока, переплетено как отдельное издание. — Научная б-ка ВТО (Москва).

А в одном из опубликованных в «Новом пути» фрагментов Ницше на тему «Критика высших ценностей» Блок выделил следующие слова: «религия унизила понятие «человек» <...> отдав лучшее надличным силам; это лучшее надо возратить человеку» (1904, IX, 241—242).

²⁹ Вяч. Иванов. Достоевский и роман-трагедия (1914). — Цит. по: Вяч. Иванов. Боровды и межи, с. 8.

³⁰ Д. Максимов. Поэзия и проза Ал. Блока, Л., «Сов. писатель», 1981, с. 133.

³¹ См.: З. Минц. Лирика Александра Блока, вып. 3, Тарту, 1973, с. 21.

³² В кн.: «История русской литературы XIX в.». Под ред. Д. Н. Овсяннико-Куликовского, т. IV. М., «Мир», 1911 (гл. IX). Издание с пометами Блока — в библиотеке поэта в ИРЛИ; цитированные слова Гаршина помечены Блоком на с. 346 и 342. Далее страницы этого издания даны в тексте.

³³ З. Минц. Лирика Александра Блока, вып. 3, с. 19.

³⁴ См.: «Библиотечка А. А. Блока. Описание», кн. 1, 1984, № 399, 404, 405, с. 270—271.

³⁵ «Бесы» упомянуты девять раз, «Дневник писателя» — пять раз, «Подросток» — четыре, «Идиот» — три, «Преступление и наказание» — два раза. См.: А. М. Бихтер. Указатель имен и названий к Собранию сочинений Блока в 8 томах, т. 8. М., 1963.

³⁶ По свидетельству Вас. Гишпиуса, Блок говорил в 1914 г., что думает написать статью «Игорь Северянин и капитан Лебядкин». — В кн.: «Александр Блок в воспоминаниях современников», т. 2. М., 1980, с. 85. О той же блоковской параллели упоминается в мемуарах Л. Гуревич (см. наст. том, кн. 3, с. 845) и Е. Книпович (там же, кн. 1, с. 25).

³⁷ Ф. М. Достоевский. Полн. собр. соч., т. 11. М., «Наука», 1974, с. 135.

³⁸ Л. М. Розенблюм. Творческие дневники Достоевского. М., «Наука», 1981, с. 196.

³⁹ См.: З. Минц. Блок и Достоевский, с. 219.

⁴⁰ Письмо Блока Л. Д. Менделеевой 27 декабря 1902 г. — ЛН, т. 89, с. 98. Ассоциации с атмосферой Достоевского возникали у Блока и позже (см., напр., письмо к матери 29 августа 1905. — «Письма к родным», I, с. 190).

⁴¹ Письмо Э. Метнера Белому 31 января — 2 февраля 1903 г. — См. наст. том, кн. 3, с. 195; упоминаемое стихотворение Блока — «Сбежал с горы и замер в чаше».

⁴² См.: Н. М. <Н. К. Михайловский>. Литературные и журнальные заметки. — «Отечественные записки», 1873, № 2, с. 331.

⁴³ Как можно предположить на основании этих помет (а также помет в тексте статьи Вернера), по вопросу о различных путях «погашения долга народу» Блок разделял позицию Михайловского с его героическими (а не «эвдемоническими», как у Лаврова) мотивами искупления интеллигентной исторической вины перед массой. Отметив изложение теории Лаврова, Блок энергично подчеркнул характеристику «подвижнического» народолюбия в концепции Михайловского: «Здесь уже признание необходимости жертвы, уже не наслаждение (актом «исправленного» зла, как это было в теории Лаврова. — И. К.), а подвиг». Такой вывод автор обзора литературы 70-х годов делал по поводу одного из возражений Михайловского Достоевскому в статье о «Бесах». Достоевский обличал Виргинского и «иже с ним», предпочитающих политическому освобождению социальное. Михайловский же в свете своей идеи «дълга народу» считал, что, поскольку массе социальное освобождение нужнее, чем политическое, борьба за это последнее является пока что непозволительной роскошью, ибо способствует увеличению «дальнейшего греха» перед массой со стороны образованного меньшинства (там же, с. 54—55).

⁴⁴ В надписи Блока на полях — X, 74 (частично срезанной переплетчиком и с трудом восстанавливаемой) — можно прочесть: «(?) — Это едва ли <так, ибо слишком <определенно. М(ожет) б(ыть) — <еще?> не пора умирать? М(ожет) б(ыть) — правда <пропуск> еще иначе, <это?> — «единое в <о> <многом> — ἐν ἐν διπλοῦ * (ср. письмо Блока А. В. Гишпиусу 2 февраля 1903 г., где изречение «единое во многом», приведенное поэтом по-русски и по-гречески, подтверждает мысль о мистическом единстве «рождения, брака, смерти», в которых — «приказание <...> к Неповедимому» — см. наст. том, кн. 1, с. 442). «Лозунг древнего метафизика: «единое во многом» Блок упоминал и в одной из рецензий ноября 1903 г. (V, 532).

⁴⁵ Б. Соловьев. Блок и Достоевский, с. 266.

⁴⁶ Такова, например, помета к словам Шатова о развитии переплетного дела как свидетельства «уважения к книге», возникающего на известном уровне культуры: «До этого периода еще вся Россия не дождала. Европа давно переплетает» («Бесы», ч. III, с. 172). Блок умел и любил переплетать.

⁴⁷ Д. Максимов. Поэзия и проза Ал. Блока. Л., «Сов. писатель», 1981, с. 47.

⁴⁸ См.: Н. Ф. Буданова. Проблема «отцов» и «детей» в романе «Бесы». — В сб.: «Достоевский. Материалы и исследования», кн. 1. Л., «Наука», 1974, с. 169—170.

⁴⁹ См.: П. Громов. А. Блок, его предшественники и современники. М., 1966, с. 308—309.

⁵⁰ Н. М. <Н. К. Михайловский>. Литературные и журнальные заметки. — «Отечественные записки», 1873, № 2; П. Н. <П. Н. Ткачев>. Больные люди. — «Дело», 1873, № 3.

⁵¹ См.: Л. И. Тимофеев. Поэтика контраста в поэзии А. Блока. — «Русская литература», 1961, № 2.

⁵² Выводы душевной аналитики Достоевского Блок склонен был порой абсолютизировать. В духе романтического максимализма поэт объявлял многомерность, антиномичность природы признаком полноты бытия и творчества. «Противоречия, — писал он в наброске 1912 г. «Ибсен и Стриндберг», — понятия, созданные слабыми умами, которые боятся богатства, предпочитают нищету» (V, 687). А в статье 1918 г. «Искусство и революция» оценивал на примере Вагнера «спасительный яд творческих противоречий» как отличие истинного художника» (VI, 24).

⁵³ См.: Д. Максимов. Об одном стихотворении («Двойник»). — В кн.: Д. Максимов. Поэзия и проза Ал. Блока.

⁵⁴ Впоследствии в свете Достоевского воспринимали образ Блока многие современники. «Двойного человека Достоевского, который любил ненавидя, и верил, не веря, и поклонялся, кощунствуя», видел в Блоке К. Чуковский («Александр Блок как человек и поэт». Пг., 1924, с. 134). Подобным образом, выявляя «крайние и взаимоисключающие черты», рисовала портрет Блока поздняя Ахматова (см.: Л. Долгополов. Достоевский и Блок в «Поэме без героя» Анны Ахматовой. — В сб.: «В мире Блока». М., 1981, с. 464). В. Жир-

* греч., точнее — ἐν ἐν διπλοῦ — букв. «единое в двойном». (За реконструкцию и расфигурку надписи приносим благодарность М. Л. Гаспарову).

мунский («Поэзия Александра Блока». Пг., 1922, с. 34) соотносил с Достоевским выраженный Блоком «максимализм духа», «безмерность творческих порывов русской народной души». Сологуб говорил в 1922 г., что свою национальную идею Блок «построил по Достоевскому» (см. наст. том, кн. 2, с. 259). Ассоциации с коллизий романов Достоевского (герой кланяется страдания «падшей») вызвала приведенная Горьким в его воспоминаниях 1923 г. сцена между Блоком и «барышней с Невского» (М. Г о р ь к и й. Собр. соч. в 30 томах, т. 15, с. 333—334). Для Ремизова (в его воспоминаниях 1931 г.) Блок, который «заболел весь „всем человеком“», был сродни людям «с обнаженной совестью... по Достоевскому...» (см. наст. том, кн. 2, с. 136). Обилие такого рода оценок не случайно.

⁵⁵ Блок подчеркнул сказанное о болезни Кириллова — эпилепсии, которая «нередко совмещается с наивысшим развитием психической жизни, иногда даже с гениальностью (у Наполеона I, у Достоевского и, как полагают, у Руссо)» — X, 62.

⁵⁶ Следы активного чтения Блока сохранились и на тех страницах статьи, в которых давалась общая характеристика воззрений Ницше. Пометы и надписи Блока на данной части текста группируются вокруг таких тем: 1) волюнтаризм и иррационализм в гносеологии, в этике, эстетике Ницше; 2) ницшеанский критерий «жизни», прилагаемый к оценке философских доктрин; 3) источники «мистического пантеизма» Ницше: античная культура, древнеиндийская философия, Шопенгауэр; 4) мысли Ницше о творчестве и художнике. Приведем некоторые из помет. «Невозможность чистого познания», отрешенного от воли — этот центральный тезис волюнтаристской гносеологии Ницше, воспроизведенный Вернером в различных вариантах (XII, 131, 133, 135), Блок выделил всюду и пометил на полях: «в о л я» (XII, 135). Трижды отчеркнул поэт изложение мысли Ницше об организующей роли в становлении философской системы «какого-нибудь мистического влечения», синтезирующего все ее элементы (XII, 135). В силу своей импульсивности, интуитивного характера философская деятельность подобна, по мнению Ницше, эстетическому творчеству; слова о родстве философа и художника, равно призванных «творить по вдохновению», Блок сопроводил тройным отчеркиванием (XII, 133).

Заинтересовали Блока аргументы в духе «философии жизни», выдвигавшиеся Ницше при определении им задач познания. Знаком «X» отмечены доводы волюнтаристской гносеологии Ницше, подсказанные требованием «жизненного»: правомерно суждение не по причинам, а по целям: «нельзя отвергнуть суждение только потому, что оно неверно, раз оно нужно людям», ибо «вопрос в том, насколько неверное суждение соответствует жизненным потребностям» (XII, 136, 129). Верность реальному и конкретному автор статьи усматривал и в прозе самого Ницше; обобщая, он смог сохранить «всю свежесть, весь трепет жизни частных явлений (...) чего не умеют (да к чему и не стремятся) другие философы»; это противопоставление на с. 52 кн. X журнала было интенсивно выделено Блоком. Интерес молодого поэта к прозе Ницше стимулировали, очевидно, и особенности ее формы — преобладание символично-художественного выражения идеи над понятийным, афористика, парадоксы, сочетание патетики и лиризма. Читая статью Вернера, Блок выделил сплошь все цитаты из текстов Ницше (их более двадцати, преимущественно из книги «Так говорил Заратустра»). Возможно, что в конце 1903 г. поэт не располагал сочинениями Ницше, и единственное из находившихся в его библиотеке ранних изданий философа — «Так говорил Заратустра» (Пб., 1903. См. «Алфавитный каталог библиотеки Блока, составленный им». — ОР ИРЛИ, ф. 654, оп. 1, № 388, л. 130 об.) — попало к Блоку позже, чем вышедшие в октябре — декабре того же 1903 г. номера «Нового пути».

⁵⁷ А. Б е л ы й. Дневниковые записи (1921, 16 августа). — См. наст. том, кн. 3, с. 799.

⁵⁸ См.: Д. М а к с и м о в. Ал. Блок и Вл. Соловьев (по материалам из библиотеки Ал. Блока), с. 180.

⁵⁹ В работе В. Паперного «Блок и Ницше» («Уч. зап. Тартуского пед. ин-та», т. 491, 1979) анализируется отношение к Ницше у зрелого Блока. Но в годы «расцвета» русского ницшеанства (т. е. в начале века) исследователь усматривает у Блока «равнодушие и даже сопротивление «влияниям» Ницше» (с. 86). Блоковские маргиналии в «Новом пути» этого вывода не подтверждают. А. Зверев, исследуя диалектику притяжения и отталкивания Блока по отношению к историософии и культурологии Ницше, датирует первые обращения к нему поэта периодом 1905—1907 гг. (А. З в е р е в. Стихия и культура. — «Вопр. лит.», 1980, № 10). Пометы 1903 г. на статье в «Новом пути» говорят о том, что интерес Блока к Ницше возник раньше.

⁶⁰ А. Л а в р о в. Мифотворчество «аргонавтов». — В сб.: «Миф—фольклор—литература». Л., «Наука», 1978, с. 141—142.

⁶¹ В тексте статьи «Идея сверхчеловека» Вл. Соловьева (в VIII т. его сочинений. СПб., 1903, с. 314) Блок подчеркнул слова о Ницше как «крупном» мыслителе и его «интересной» идее «сверхчеловека». — См.: Д. Е. М а к с и м о в. Ал. Блок и Вл. Соловьев..., с. 180.

⁶² «Мир искусства», 1899, № 9, с. 91.

⁶³ Вяч. И в а н о в. Кризис индивидуализма (1905). — Цит. по кн.: Вяч. Иванов. По звездам. СПб., «Оры», 1909, с. 96.

⁶⁴ А. Б е л ы й. Афоризмы и лирические отрывки (1901). — Цит. по: А. В. Л а в р о в. Юношеские дневниковые заметки Андрея Белого. — В сб.: «Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник — 1979». Л., «Наука», 1980, с. 127.